

АРКАДИЙ И БОРИС СТРУГАЦКИЕ

Почти такие же

Полдень, XXII век

Аркадий и Борис Стругацкие
Почти такие же

«Наследник Стругацких»

«Автор»

1960

Стругацкие А.

Почти такие же / А. Стругацкие — «Наследник Стругацких»,
«Автор», 1960 — (Полдень, XXII век)

«Их вот-вот должны были вызвать, и они сидели в коридоре на подоконнике перед дверью. Сережа Кондратьев болтал ногами, а Панин, вывернув короткую шею, глядел за окно в парк, где на волейбольной площадке прыгали у сетки девчонки с факультета Дистанционного Управления. Сережа Кондратьев, подсунув под себя ладони, смотрел на дверь, на блестящую черную пластинку с надписью «Большая Центрифуга». В Высшей школе космогании четыре факультета, и три из них имеют тренировочные залы, на дверях которых висит пластинка с такой же надписью. Всегда очень тревожно ждать, когда тебя вызовут на Большую Центрифугу. Вот Панин, например, глазееет на девчонок явно для того, чтобы не показать, как ему тревожно. А ведь у Панина сегодня самая обычная тренировка...»

© Стругацкие А., 1960

© Наследник Стругацких, 1960

© Автор, 1960

Аркадий и Борис Стругацкие

Почти такие же

Их вот-вот должны были вызвать, и они сидели в коридоре на подоконнике перед дверью. Сережа Кондратьев болтал ногами, а Панин, вывернув короткую шею, глядел за окно в парк, где на волейбольной площадке прыгали у сетки девчонки с факультета Дистанционного Управления. Сережа Кондратьев, подсунув под себя ладони, смотрел на дверь, на блестящую черную пластинку с надписью «Большая Центрифуга». В Высшей школе космогании четыре факультета, и три из них имеют тренировочные залы, на дверях которых висит пластинка с такой же надписью. Всегда очень тревожно ждать, когда тебя вызовут на Большую Центрифугу. Вот Панин, например, глазет на девчонок явно для того, чтобы не показать, как ему тревожно. А ведь у Панина сегодня самая обычная тренировка.

– Хорошо играют, – сказал Панин басом.

– Хорошо, – сказал Сережа, не оборачиваясь.

– У «четверки» отличный пас.

– Да, – сказал Сережа. Он передернул плечами. У него тоже был хороший пас, но он не обернулся.

Панин посмотрел на Сережу, посмотрел на дверь и сказал:

– Сегодня тебя отсюда понесут.

Сережа промолчал.

– Ногами вперед, – сказал Панин.

– Да уж, – сказал Сережа, сдерживаясь. – Тебя-то уж не понесут.

– Спокойно, спортсмен, – сказал Панин. – Спортсмену надлежит быть спокойну, выдержану и всегда готову.

– А я спокоен, – сказал Сережа.

– Ты спокоен? – сказал Панин, тыкая его в грудь негнувшимся пальцем. – Ты вибрируешь. Ты трясешься, как малек на старте. Смотреть противно, как ты трясешься.

– А ты не смотри, – посоветовал Сережа. – Смотри лучше на девочек. Хороший пас и все такое.

– Ты непристойен, – сказал Панин и посмотрел в окно. – Прекрасные девушки! И замечательно играют.

– Вот и смотри, – сказал Сережа. – И старайся не стучать зубами.

– Это я стучу зубами? – изумился Панин. – Это ты стучишь зубами.

Сережа промолчал.

– Мне можно стучать зубами, – сказал Панин, подумав. – Я не спортсмен.

– Он вздохнул, посмотрел на дверь и сказал: – Хоть бы скорее вызвали, что ли...

Слева в конце коридора появился староста второго курса Гриша Быстров. Он был в рабочем комбинезоне, приближался медленно и вел пальцем по стене. Лицо у него было задумчивое. Он остановился перед Кондратьевым и Паниным и сказал:

– Здравствуйте. – Голос у него был печальный.

Сережа кивнул. Панин снисходительно сказал:

– Здравствуй, Григорий. Вибрируешь ли ты перед Центрифугой, Григорий?

– Да, – ответил Гриша Быстров. – Немножко.

– Вот, – сказал Панин Сереже, – Григорий волнуется всего-навсего немножко. А между тем Григорий всего-навсего малек.

Мальками в школе называли курсантов младших курсов.

Гриша вздохнул и тоже сел на подоконник.

– Сережа, – сказал он. – Правда, что ты делаешь сегодня первую попытку на восьмикратной?

– Да, – сказал Сережа. Ему совсем не хотелось разговаривать, но он боялся обидеть Быстрова, – Если позволят, конечно, – добавил он.

– Наверное, позволят, – сказал Гриша.

– Подумаешь, попытка на восьмикратной! – сказал Панин легкомысленно.

– А ты пробовал на восьмикратной? – с интересом спросил Гриша.

– Нет, – сказал Панин. – Но зато я не спортсмен.

– А может быть, попробуешь? – сказал Сережа. – Вот прямо сейчас, вместе со мной. А?

– Я человек простой, простодушный, – ответил Панин. – Есть норма. Нормой считается пятикратная перегрузка. Мой простой, незамысловатый организм не выносит ничего, превышающего норму. Однажды он попробовал шестикратную, и его вынесли на седьмой минуте. Вместе со мной.

– Кого вынесли? – не понял Гриша.

– Мой организм, – пояснил Панин.

– Да, – сказал Гриша со слабой улыбкой. – А я вот еще не дошел и до пятикратной.

– На втором курсе и не надо пятикратной, – сказал Сережа. Он спрыгнул с подоконника и принялся приседать поочередно на левой и на правой ноге.

– Ну я пошел, – сказал Гриша и тоже спрыгнул с подоконника.

– Что случилось, староста? – спросил Панин. – Почему такая тоска?

– Кто-то устроил штуку с Копыловым, – печально сказал Гриша.

– Опять? – сказал Панин. – Какую штуку?

Второкурсник Валя Копылов был известен на факультете своей привязанностью к вычислительной технике. Недавно на факультете установили новый, очень хороший волноводный вычислитель ЛИАНТО, и Валя проводил возле него все свободное время. Валя торчал бы возле него и ночью, но ночью на ЛИАНТО велись вычисления для дипломатов, и Валентина беспощадно выгоняли.

– Кто-то из наших запрограммировал любовное послание, – сказал Гриша.

– Теперь ЛИАНТО на последнем цикле выдает: «Без Копылова жизнь не та, люблю, привет от Лианта». В простом буквенном коде.

– «Привет от Лианта...» – сказал Сережа, массируя себе плечи. – Поэты. Задавить из жалости.

– Подумать только, – сказал Панин. – Какой нынче малек пошел веселый.

– Что вы мне это говорите, – сказал Гриша Быстрое. – Вы этим дуракам скажите. Действительно, «привет от Лианта». Сегодня ночью Кан делал расчет, и вместо ответа – раз! – «привет от Лианта». Теперь он меня вызывает.

Тодор Кан, железный Кан, был начальником Штурманского факультета.

– О! – сказал Панин. – Тебе предстоит интересные полчаса, староста. Железный Кан очень живой собеседник.

– Железный Кан большой эстет, – сказал Сережа Кондратьев. – Он не потерпит старосту, у которого курсанты двух строк связать не могут.

– Я человек простой, простодушный, – начал Панин, но в это время дверь приоткрылась и высунулась голова дежурного.

– Кондратьев, Панин, приготовиться, – сказал дежурный.

Панин осекся и одернул куртку.

– Пошли, – сказал он.

Кондратьев кивнул Грише и пошел следом за Паниным в тренировочный зал. Зал был огромен, и посередине сверкало четырехметровое коромысло на толстой кубовой станине – Большая Центрифуга. Коромысло вращалось. Кабины на его концах, оттянутые центробежной

силой, лежали почти горизонтально. Окошек в кабинах не было, и наблюдение за курсантами велось изнутри станины при помощи системы зеркал. Несколько курсантов отдыхали у стены на шведской скамейке. Задрав головы, они следили за проносящимися кабинами.

– Четырехкратная, – сказал Панин, глядя на кабины.

– Пятикратная, – сказал Кондратьев. – Кто там сейчас?

– Нгуэн и Гургенидзе, – сказал дежурный.

Он принес два костюма для перегрузок, помог Кондратьеву и Панину одеться и зашнуровал их. В костюме для перегрузок человек похож на кокон шелкопряда.

– Ждите, – сказал дежурный и пошел к станине.

Раз в неделю каждый курсант крутился на центробежной установке, приучаясь к перегрузкам. Раз в неделю по часу все пять лет. Надо было сидеть и терпеть, и слушать, как трещат кости, и чувствовать, как широкие ремни впиваются сквозь толстую ткань костюма в обрюзгшее тело, как обвисает лицо и как трудно мигать – тяжелеют веки. И при этом нужно было решать какие-то малоинтересные задачки или составлять стандартные подпрограммы для вычислителя, и это было совсем нелегко, хотя и задачки, и подпрограммы были известны с первого курса. Некоторые курсанты выдерживали семикратные перегрузки, а другие не выдерживали даже тройных – они не могли справиться с черным выпадением зрения, и их переводили на факультет Дистанционного Управления.

Коромысло стало вращаться медленнее, кабинки повисли вертикально. Из одной вылез худощавый смуглый Нгуэн Фу Дат и остановился, держась за раскрытую дверцу. Его покачивало. Из другой кабинки мешком вывалился Гургенидзе. Курсанты на шведской скамеечке вскочили на ноги, но дежурный уже помог ему подняться, и он сел, упираясь руками в пол.

– Больше жизни, Лева! – громко сказал один из курсантов.

Все засмеялись. Только Панин не засмеялся.

– Ничего, ребята, – сипло сказал Гургенидзе и встал. – Ерунда! – Он страшно зашевелил лицом, разминая затекшие мускулы щек. – Ерунда! – повторил он.

– Ох и понесут же тебя сегодня, спортсмен! – сказал Панин негромко, но очень энергично.

Кондратьев сделал вид, что не слышит. «Если меня сегодня понесут, – подумал он, – все пропало. Не могут меня сегодня понести. Не должны».

– Полноват Лева, – сказал он, – Полные плохо переносили перегрузки.

– Похудеет, – бодро сказал Панин. – Захочет, так похудеет.

Панин потерял шесть кило, прежде чем научился выдерживать пятикратные перегрузки, положенные по норме. Это было необыкновенно мучительно, но он очень не хотел к дистанционникам. Он хотел быть штурманом.

В станине открылся люк, оттуда вылез инструктор в белом халате и отобрал у Нгуэна и Гургенидзе листки с записями.

– Кондратьев и Панин готовы? – сказал он.

– Готовы, – сказал дежурный. Инструктор бегло проглядел листки.

– Так, – сказал он. – Нгуэн и Гургенидзе свободны. У вас зачет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.